

Кафе встреч

Вос. Москва. - 1991. - 16 авг.

МУЗЫКА НА РЕБРАХ

НЕДАВНО прибывший в Москву известнейший американский певец Джон Маккачин оказался, к бурному восторгу поклонников музыки фолк и кантри, настоящим великаном. Как, без всякого сомнения, сказал бы его знаменитый соотечественник Джек Лондон: боги при сотворении Маккачина вспомнили былые искусства и создали его по образу и подобию тех, кто рождался, когда мир был юн. Однако Джон, невзирая на выдающиеся физические данные, отдал свое тело и душу вовсе не популярному в Североамериканских Штатах рестлингу, но беззаветному служению музыке.

Его тело, от подметок потрепанных «шуз» до возвышающейся над толпой кудрявой макушки, служит музыке в самом прямом смысле. Служит потому, что собственное тело — это первый инструмент, на котором верзила Джон научился играть в свое время. В воскресенье на концерте в парке Горького Маккачин буквально покориł московскую публику, играючи исполнив небольшую композицию, где барабаном ему служила грудная клетка, ксилофоном предплечья рук и ноги, а роль литавр выполняли туго надутые щеки.

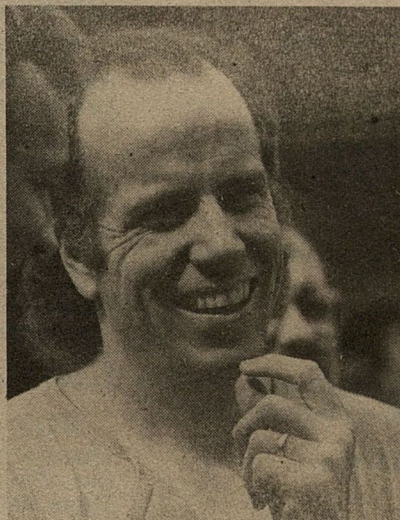
«Да, — подумал я после демонстрации столь удивительных возможностей человеческого тела, — вот человек, который может, в принципе, сыграть на чем угодно, включая пресловутые «флейты водосточных труб». Но, черт возьми, какой инструмент он все же предпочитает?»

— Знаешь, — ответил Джон, когда переводчик, немного запнувшись на цитате, перевел мой вопрос, — спрашивать, какой из инструментов я люблю больше всего, все равно, что спрашивать, кого из своих сыновей я люблю больше. Одно время я играл только на скрипке-фидл, потом был период увлечения гитарой, но меня постоянно тянет осваивать все новые инструменты. Я, как плотник, носящий с собой сумку с инструментами, для каждой определенной работы выбираю нужный. Но мне труднее, нежели плотнику, потому что мое творчество не ограничивается одной только деятельностью инструменталиста. Мне одновременно необходимо быть и певцом, и композитором. Некоторое время я играл ради шутки на всех инструментах сразу. Но это больше походило на цирк. Так я лишь привлекал внимание людей к своей персоне. Теперь я просто раскладываю инструменты по сцене и импровизирую. Некоторые из них могу даже не брать в руки, потому что в этот день они не соответствуют моему настроению.

Банджо, гитара или дульцимер для меня все равно, что различные языки для определенного человека.

— Джон, ты каждое утро поднимаешь штангу. Откуда, скажи, у композитора такая страсть к тяжелой атлетике?

— По утрам мне приходится поднимать не только тяжести, но и моего друга Григория Гладкова. А как еще прикажешь поступать с человеком, которого утром даже пушкой не разбудишь? Штангой же занимаюсь потому, что гастро-

ли, в которых проходит вся моя жизнь, требуют очень много энергии. Мне просто необходимо быть сильным, чтобы нести свои инструменты, давать после утомительных концертов интервью, встречаться с различными людьми, да и просто чтобы прилично петь.

— Самый тяжелый из твоих инструментов — дульцимер. Я это знаю наверняка, потому что помогал переносить его из автобуса в номер. Как получилось, что ты им так увлекся?

— Дульцимер достался мне лет пятнадцать назад от друга, который практиковался в игре на этой разновидности цитры в одном из университетов Западной Вирджинии. Честно говоря, это даже не друг был, а подруга. И вот она, закончив курсы, решила, что дульцимер слишком тяжел для ее нежных рук, — подарила его мне. Инструмент оказался не таким уж простым. Пожалуй, по сложности он превосходил все то, на чем я играл раньше. И начал я с того, что стал перекладывать музыку, которую исполнял на скрипке-фидл, для дульцимера. Зато теперь я могу играть на нем не только фолк-музыку, но и классику, и даже джаз.

— Хочу спросить о фолк-му-

зыке. Насколько она популярна в урбанизированной до предела Америке?

— Традиционный фолк не так популярен в Штатах, как возникшая на его основе музыка кантри. Но не стоит, пожалуй, судить о его популярности по тому, как много людей ходит на концерты или покупает записи. За последние двадцать лет в Америке произошла музыкальная революция. Многие люди научились играть на традиционных музыкальных инструментах, танцевать народные танцы, уважать и беречь свое культурное наследие. Именно это для меня особенно важно, а вовсе не выражаемые в долларах показатели популярности, по которым принято судить о музыке.

— Нам такая революция еще только предстоит. Возможно, ваш совместный с Григорием тур дружбы приблизит ее хоть немного. Не мог бы ты рассказать, как проходит ваши гастроли и где, в Штатах или в России, публика теплее воспринимает вас?

— О, РУССКИЕ и американцы одинаково сумасшедшие! Когда заканчивалась американская часть тура, а происходило это на родине поэта Томаса Джефферсона, в моем родном городе Шарлотсвилле, штат Вирджиния, друзья устроили небольшой праздничный ужин, где мы, кажется, немного злоупотребили водкой и шампанским. К трем часам утра мы дошли до того, что стали звонить людям по телефону. Я, например, разбудил своего отца, к тому времени спавшего, как говоришь вы, русские, без задних ног, зато Григорий так и не сумел дозвониться своей матери в Москву. У вас загадочная телефонная сеть... В Ленинграде у нас также прошел замечательный концерт, где я впервые в жизни попробовал петь по-русски. Там же я впервые попал в русскую баню. Дети, которые увязались туда за мной, до сих пор уговаривают построить в нашем доме такую же. Вообще я очень рад побывать у вас, рад выступать и общаться с людьми. Ты не поверишь, но я всю жизнь прожил в страхе перед советскими людьми, которых считал зажатыми, закомплексованными и грозными из-за железного занавеса ракетами всему миру.

— Но и мы вас боялись. Однако времена меняются, и мы изменились вместе с ними.

Гостя встречал
Леонид БЕЛАГА.

Фото
Кирилла ВИНОГРАДОВА.